

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

О. В. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

ЗАМЕТКИ ОБ ОМОНИМАХ И ИХ ПОДАЧЕ В СЛОВАРЕ

Известная статья В. И. Абаева¹ положила начало дискуссии по вопросам омонимии и полисемии². Важным результатом дискуссии по омонимии в 1957 г. явилось положение о том, что единственным критерием определения омонимии следует признать семантический критерий³. Собственно говоря, на дискуссии были подтверждены выводы О. С. Ахмановой⁴. Многие исследователи за последнее время направляли свои усилия в основном в сторону изыскания словообразовательного, морфологического, синтаксического и орфографического критериев разграничения полисемии и омонимии.

Так, например, М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева и А. П. Хазанович считают, что при ясно выраженных различиях в способности слова вступать в синтаксические и лексические сочетания, даже небольшое различие в значении ведет к разрыву тождества слова⁵. Авторы считают, что для слов, совпадающих как по принадлежности к одной части речи, так и по морфологической характеристике, решающей является сумма «дистрибуций» слова⁶. Этот метод не нов. Еще в 1948 г. Р. Годель усматривал омонимию там, где два значения слова вступают в разные словообразовательные и парадигматические ряды⁷. Словообразовательный критерий (помимо семантического) рекомендует также и М. М. Фалькович⁸.

В тех случаях, когда орфографический и грамматический критерии не оправдывают себя, Р. Клаппенбах рекомендует подыскивать к существительным-омонимам однокорневой глагол. Если такой глагол можно найти, — перед нами два значения, если же такого глагола нет, — перед нами омонимы⁹. Но ведь расходятся не только значения существительных, но и других частей речи, и, наконец, связующего глагола может и не существовать как, например, в существительном *конь* «животное» и *конь* «шахматная фигура». Можно ли сказать, что это омонимы, потому что нет однокорневого глагола?

¹ В. И. Абаев, О подаче омонимов в словаре, ВЯ, 1957, 3.

² Дискуссия по вопросам омонимии, «Лексикографический сборник», 4, М., 1960.

³ Там же, стр. 60.

⁴ См.: О. С. Ахманова, О фонетических и морфологических вариантах слова, сб. «Акад. В. В. Виноградову к его 60-летию», М., 1956, стр. 42; е е же, Очерки общей и русской лексикологии, М., 1957, стр. 164.

⁵ М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович. Многозначность и омонимия, Л., 1966, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 26.

⁷ R. Godel, Homonymie et identité, CFS, 1948, стр. 12.

⁸ М. М. Фалькович, К вопросу об омонимии и полисемии, ВЯ, 1960, 5.

⁹ R. Klappenbach, Homonyme oder polysemes Wort?, «Deutsch als Fremdsprache», 1971, 2, стр. 103.

Принимая во внимание, что и при определении частей речи (морфологической категории) прибегают к синтаксическому (члены предложения) и лексическому (название предмета, качества и т. д.) критериям, казалось бы уместным и при определении лексических категорий полисемии и омонимии привлекать другие уровни языка.

Другие исследователи пошли по намеченному дискуссией семантическому пути. Так, например, румынский лингвист П. Диаконеску приходит к заключению, что лексико-грамматические различия являются показателями распада полисемии, но лишь при изменениях в лексическом значении слова¹⁰.

В. Порциг предлагает критерий семантического поля. Например, он считает, что немецкое *ziehen* «тянуть» и *ziehen* «направляться» являются омонимами, так как у первого значения мы находим полевое окружение *schleppen, schieben, tragen*, а у второго — *marschieren, wandern*¹¹.

Этот критерий очень близок к критерию «синонимического ряда», предложенному еще в 1954 г. Е. М. Галкиной-Федорук¹². Критерий семантического поля был подвергнут критике В. Виссманном в неопубликованной работе «Единство слова», где он утверждает, что одно и то же слово может принадлежать разным полям¹³.

Г. Фрей предлагает для распознавания омонимов метод замены существительного местоимением. Если такая замена возможна, мы имеем дело с разными значениями, если же замена приводит к игре слов, перед нами два омонима. Он приводит следующий пример: *mouton* имеет два значения: «овца» и «баранина». В предложении: *On n'élève pas seulement le mouton pour en manger* «Овцу не выращивают лишь для того, чтобы ее есть», существительное *mouton*, говорит он, означает «овца», а местоимение *en* замещает существительное *mouton* «баранина», значит *mouton* «овца» и *mouton* «баранина» еще не омонимы¹⁴.

Все эти семантические и несемантические критерии чреватые одним и тем же недостатком: авторы иллюстрируют их несколькими удачно подобранными примерами, а лексикограф, пытающийся применить их в своей работе, сталкивается с большим количеством исключений, ставящим под вопрос сам критерий¹⁵.

Казалось бы, что решение задачи заключено в том, что значения полисемантического слова образуют систему, которая отсутствует у омонимов¹⁶. В действительности же, семантические омонимы характеризуются не бессистемностью, а сильно разошедшимися значениями. Разница между полисемантизмами и семантическими омонимами не качественная, а скорее количественная (у семантических омонимов длиннее и извилистее пути между значениями).

Остается еще разобрать критерий языкового чутья. В. И. Абаев проиллюстрировал его разговором между составителем словаря и редактором¹⁷. Недоверие к «языковому сознанию» выразил и О. Духачек¹⁸. В пред-

¹⁰ См.: P. Diaconescu, Omonimie și polisemie, сб. «Probleme de lingvistică generală», I, București, 1959, стр. 142.

¹¹ W. Porzig, Die Einheit des Wortes, Ein Beitrag zur Diskussion, сб. «Sprache — Schlüssel zur Welt. Festschrift für L. Weisgerber», Düsseldorf, 1959, стр. 162.

¹² Е. М. Галкина-Федорук, К вопросу об омонимии в русском языке, «Р. яз. в шк.», 1954, 3, стр. 16.

¹³ Цит. по кн.: R. Klappenbach, указ. соч., стр. 100.

¹⁴ H. Frei, Désaccords, CFS, 1961, стр. 43.

¹⁵ Ср.: R. Klappenbach, указ. соч., стр. 103.

¹⁶ И. В. Арнольд, Лексикология английского языка, М., 1959, стр. 288.

¹⁷ В. И. Абаев, указ. соч., стр. 38.

¹⁸ O. Ducháčěk, L'homonymie et la polysémie, «Vox romanica», 21, 1962, стр. 52.

ставленном на дискуссии реферате Л. Л. Кутина указала, что историческая преемственность значений в языке художественной литературы сильнее, чем в разговорном языке¹⁹. Но даже в разговорном языке чутье говорящих далеко не одинаково. Этимологическая связь между семантическими омонимами чувствуется сильнее не только лингвистами, но и теми, кто лишь изучает данный язык. Услышав выражение *сестъ на своего конька*, изучающий русский язык непременно подумает сначала о «небольшом коне», потом о «приспособлении для бега по льду», и потом уже о «хобби», в то время как человек, владеющий русским языком, может и не заметить связи между этими тремя значениями, поскольку у него происходит семантизация всего фразеологизма. Означает ли это, что нужно со-

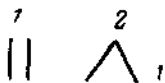

Рис. 1

Рис. 2

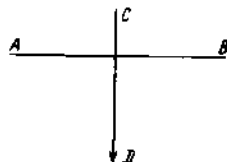

Рис. 3

ставлять словари отдельно для языковедов и изучающих язык и отдельно для широких масс, говорящих на данном языке? По-видимому, нет. Но и масса говорящих очень разнородна. М. Г. Арсеньева, М. В. Строева и А. П. Хазанович провели эксперимент, опросив десять человек, которым был задан вопрос: почему *ключ* «предмет для открывания» и *ключ* «источник» называются одинаково? Все опрошенные старались найти логическую связь между значениями этих этимологических омонимов²⁰.

В своей статье В. И. Абаев изобразил схематически омонимию двумя параллельными линиями, а полисемию — двумя линиями, выпедшими из одной точки (рис. 1); в связи с этим Я. Г. Биренбаум считает, что В. И. Абаев путает живое языковое развитие с абстрактной эвклидовой геометрией²¹. Такое обвинение совершенно незаслуженно. Во-первых, эвклидова геометрия не была ниспослана людям богами, а является абстракцией окружающей действительности. Во-вторых, развитие языка действительно живое (и многогранное, добавим мы) явление, но это не означает, что оно не может быть изображено с успехом математическими элементами. Явления физики тоже очень сложны, но, несмотря на это, привлечение математики существенно облегчает их понимание.

Р. А. Будагов задал правомерный вопрос: нельзя ли омонимы, образованные в результате распада полисемии, изобразить, как на рис. 2?²²

А. А. Неёлов спрашивает: «... почему же омонимия представлена как две параллельных — разве то, что мы сейчас считаем омонимами, всегда было омонимами?»²³.

На эти вопросы можно ответить, изобразив омонимию и полисемию в определенной системе координат, например, в системе прямоугольных координат, намеченной де Соссюром²⁴ (рис. 3), где *AB* — ось одновременности, а *CD* — ось времени. Мы предлагаем изобразить эти два явления, по-

¹⁹ Дискуссия..., стр. 46.

²⁰ М. Г. Арсеньева, М. В. Строева, А. П. Хазанович, указ. соч., стр. 5.

²¹ «К обсуждению вопроса об омонимах», ВЯ, 1969, 2, стр. 46.

²² Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 45.

²³ «К обсуждению...», стр. 46.

²⁴ F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1960, стр. 115.

вернув на 90° сосисировскую систему координат, и отложить поочередно на оси одновременности содержание и выражение слова (рис. 4, 5, 6, 7).

На всех рисунках 0 изображает момент появления слова в языке.

Ахиллесовой пятой защитников распада полисемантизма на омонимы является смещение положительного (полисемия) с отрицательным (омонимия). В. И. Абаев пишет: «За полисемией всегда скрываются усилия человеческой мысли в поисках новых и новых средств познания, выражения,

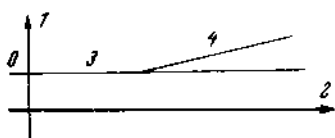

Рис. 4

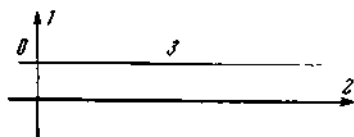

Рис. 5

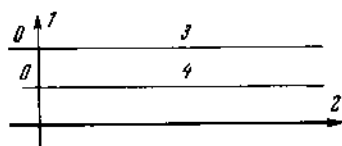

Рис. 6

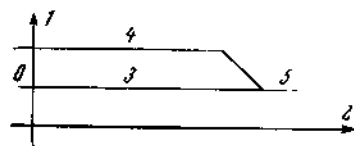

Рис. 7

акспрессии. За омонимией же ничего не скрывается, кроме игры случая»²⁵. Среди ученых распространено мнение, будто омонимия, если и не положительное, то во всяком случае не отрицательное явление, так как она «снимается» контекстом. Среди других авторов, это мнение разделяет и Н. М. Шанский²⁶. Трудно поверить, что не производят путаницы такие омофоны, как нем. *Beeren* «ягоды» и *Bären* «медведи», появившиеся в результате нейтрализации оппозиции /e/ : /ɛ/ ²⁷, или же англ. *aural* «ушной» и *oral* «устный». Автору настоящей статьи пришлось испытать «коммуникативные помехи»: когда он сказал по-немецки *sie sollen es machen* «они должны это сделать», его поняли *Sie sollen es machen* «Вы должны это сделать». Но это, конечно, изолированный случай. Чаще всего омонимия лишь затрудняет понимание, так что приходится перечитывать предложение, как, например, в выражении *сведения о характере сведёния мышц*. Р. Якобсон считает, что омонимия представляет затруднения лишь для слушателя²⁸. Но это не совсем правильно. Как указала румынский психолингвист Т. Слама-Казак, омонимия затрудняет не только слушателя, но и говорящего, так как, не желая быть неправильно понятым, он должен «лабиринтировать» среди омонимов, на что, разумеется, теряет время²⁹. Совершенно прав Ш. Балли, писавший, что «омонимия смешивает то, что должно быть различимо»³⁰.

²⁵ В. И. Абаев, указ. соч., стр. 40.

²⁶ Н. М. Шанский, Лексикология современного русского языка, М., 1964, стр. 43.

²⁷ См.: J. Klare, Zum Problem der Differenzierung von Homonymie und Polysemie, сб. «Omăgiu Al. Rosetti», București, 1965, стр. 446.

²⁸ R. Jakobson, Linguistics and communication theory, «Proceedings of symposia in applied mathematics», 12, New York, 1961, стр. 249.

²⁹ T. Slama-Cazacu, Despre studiul omonimiei în lanțul discursiv, сб. «Omăgiu Al. Rosetti», стр. 843.

³⁰ Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 204.

Н. М. Шанский считает, что омонимия не является отрицательным явлением ввиду того, что в языке наблюдаются не только факты исчезновения омонимов, но и факты появления новых омонимов³¹. Но ведь не следует смешивать новое с положительным.

Проанализируем некоторые лексические категории и попытаемся установить тенденции, намечающиеся на этом уровне (см. рис. 8).

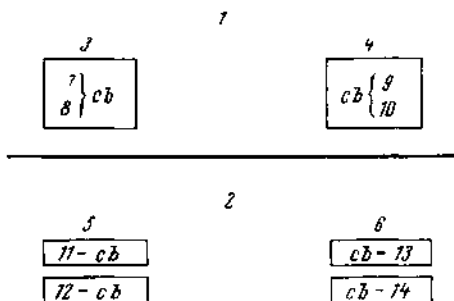

Рис. 8

Остановимся сначала на процессах, протекающих в рамках одного слова (1): а) в плане содержания, состоящем первоначально из одного значения (7 — конь), со временем появляется второе значение (8 — конь). Это и есть полисемия (3); б) но и в плане выражения может наблюдаться двойное выражение, как в слове *библиотека* (9)/*библиотека* (10). Здесь мы имеем дело с алломорфией (4). Перейдем теперь к разным словам (2), которые могут сблизиться в плане содержания или в плане выражения. Здесь встречаем опять два явления: а) разные слова приобретают одно и то же выражение [например, *лук* «растение» (11) и *лук* «оружие» (12)], сохраняя разные значения. Такое явление и есть омонимия (5); б) в разных словах наблюдается тождество в плане содержания при дифференциации в плане выражения. Здесь мы имеем дело со стилистической синонимией (6)³², например, *конец* (13)/*предел* (14).

Полисемия — явление положительное, факт, не требующий лишних доказательств; алломорфия — явление отрицательное; омонимия — явление отрицательное, что мы и попытались доказать выше. Стилистическая синонимия — явление положительное, позволяющее выразить тонкие оттенки действительности и отношения говорящего к ней.

Все сказанное позволяет установить две тенденции, бытующие в языке: 1) в рамках одного слова существует тенденция сохранить единое выражение и расщепить содержание; 2) между разными словами проявляется тенденция к сохранению слов с разным выражением и одним содержанием, и к элиминации слов с одним выражением, но с разными значениями.

Взглянув на рис. 8, мы увидим, что по одну сторону черты действует тенденция 1, а по другую — тенденция 2. На упомянутой дискуссии В. М. Жирмунский говорил: «... в языке нет метафизических граней»³³. Это верно, но не нужно заключать, что в языке вообще нет никаких граней. Несомненно, что в данном случае грань существует, раз по одну ее сторону действует одна тенденция, а по другую — тенденция противоположная.

³¹ Н. М. Шанский, указ. соч., стр. 43.

³² В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики, ВЯ, 1955, 1, стр. 69.

³³ Дискуссия..., стр. 67.

Много возражений вызвало утверждение В. И. Абаева: «Между омонимией и полисемией нет ничего общего...»³⁴. Почти все работы по семантике приводят примеры мнимой «дезомонимизации», т. е. объединения омонимов в полисемантизм³⁵.

Э. Бюиссанс называет это явление многовалентностью (*plurivalence*)³⁶. К. Гегер приводит пример слова, объединяющего, по его мнению, характеристики омонима и многозначного слова. Это франц. *importer*, которое было заимствовано в XVI в. из итальянского со значением «иметь значение» и в XVII в. из английского со значением «импортировать». Он считает, что здесь два омонима, так как эти слова были заимствованы в разное время из разных языков, но, в то же время, это — полисемантизм, потому что оба значения восходят к одному и тому же латинскому этимону *importare* «ввозить, причинять»³⁷. В действительности, в латинском языке перед нами здесь одно слово, а во французском — два слова.

Синхронный подход может дать очень много по линии познания такого сложного явления, как язык, но только не нужно его абсолютизировать и сводить все к сосюрсовской «шахматной доске». Поэтому прав В. И. Максимова, считающий, что «применение принципа синхронизма, рассматривая его в конкретно-практическом плане, предполагает... обращение к истории»³⁸.

Против традиционной точки зрения на омонимию, защищаемой В. И. Абаевым, может возникнуть следующее возражение: распад многозначного слова на омонимы вследствие расхождения значений — явление, очень близкое к деэтимологизации, наличие которой в языке не подлежит сомнению. Действительно, родство между словами *мех* и *мешок* совершенно не ощущается в современном русском языке. Но если допускать разрыв семантических связей между родственными словами, почему бы не допустить его и между значениями одного и того же слова? Разве словообразовательный процесс не отражает «усилий человеческой мысли»? В приведенном примере *мѣхъ + ѡкъ > мешок* центр тяжести приходится на материальный элемент — уменьшительный суффикс, в то время как в слове *слабый* перенос значения от «достойный славы» к «симпатичный» является творческим процессом, отражающим мировоззрение несметного числа создателей языка.

В. И. Абаев писал: «Полисемия никогда не может стать омонимией и обратно»³⁹. Если это было бы действительно так, то бессмысленна была бы вся эта полемика. К сожалению, вышеуказанное высказывание должно быть уточнено. Полисемия никогда не может стать омонимией сама по себе, но это может случиться, если вмешаются языковеды и десятилетиями будут внушать при помощи словарей, что, например, *белок* яйца и *белок* как органическое вещество — разные слова. Здесь сказываются два различных подхода к языку:

1. При первом подходе считается, что язык — аморфная материя, которую лексикограф может комбинировать, как ему угодно. При таком подходе он может подавать в отдельной словарной статье одно из значений

³⁴ В. И. Абаев, указ. соч., стр. 40.

³⁵ Л. А. Новиков, К проблеме омонимии, «Лексикографический сборник», 4, стр. 93; E. Buysens, Le signe linguistique, «Revue belge de philologie et d'histoire», Bruxelles, 1960, стр. 716; H. Frei, указ. соч., стр. 45.

³⁶ E. Buysens, указ. соч., стр. 717.

³⁷ K. Heger, Homographie, Homonymie und Polysemie, ZfomPh, 1963, стр. 482.

³⁸ В. И. Максимова, О соотношении морфологического анализа в современном и этимологическом плане, ИАН ОЛЯ, 1972, 5, стр. 428—429.

³⁹ В. И. Абаев, указ. соч., стр. 40.

слова только потому, что оно стало термином⁴⁰. Такой же точки зрения придерживаются и авторы двуязычных словарей, которые разделяют, скажем, значения русского слова в зависимости от существования эквивалента во втором языке⁴¹. Понятно, что в таком случае русский язык будет подаваться под немецким соусом в русско-немецком словаре под французским соусом в русско-французском словаре и т. д., и только настоящий облик русского языка останется недоступным иностранцу.

2. Второй подход к языку напоминает бережное отношение филолога к литературному наследию. Именно такой подход характеризует русскую классическую лексикографию, а также и выступления В. И. Абаева, о которых создался неверный миф, как о крайней позиции. Так, например, Р. Клаппенбах говорит о «твердой исторической точке зрения» В. И. Абаева (*starre historische Einstellung*)⁴². В действительности же, В. И. Абаев занял в дискуссии об омонимах скорее среднее место (И. Е. Авичков высказал мнение более радикальное, не признавая даже словообразовательных омонимов⁴³), а истина, как известно, кроется всегда посередине.

⁴⁰ Ср.: Л. Л. К у т и н а, Омонимы в толковых словарях русского языка, «Лексикографический сборник», 2, 1957, стр. 54.

⁴¹ Ср.: Л. Н. С м и р н о в, Сборник докладов чехословацких лексикографов, сб. «Современная русская лексикология», М., 1966, стр. 161.

⁴² См.: Р. К л а р р е п б а с х, указ. соч., стр. 100.

⁴³ Дискуссия..., стр. 69.